

22 июня 1941 года: как началась война

22 июня для советских людей всегда было роковой датой. Две цифры и название тёплого летнего месяца впечатались в память нескольких поколений как самое страшное событие. Эти ощущения были знакомы и тем, кто пережил войну, и тем, кто знал о ней только по книгам и фильмам. И сегодня, спустя уже 82 года, когда читаешь воспоминания очевидцев, прошлое проступает из толщи времени так выпукло и отчётливо, как будто на него навели резкость, как будто ты сам оказался там и сейчас.

Давайте вспомним, каким был день 22 июня 1941 года для политехников военных лет. Попробуем увидеть его их глазами и сравнить со своими ощущениями дня сегодняшнего. Эти воспоминания собраны в книгах, мемуарах, выпусках газеты «Политехник». Одним из тех, кто понимал, что нужно сохранить память о войне для потомков агитировал участников войны, таких же, как он сам, рассказывать о ней, был выпускник Политеха, инженер-металлург Виктор Георгиевич Манчинский. Под его редакцией вышло три книги с воспоминаниями.

В июне 1941 года жизнь в Ленинградском политехническом институте шла своим чередом: заканчивалась сессия, студенты сдавали экзамены,

выпускники защищали дипломы. Хозяйственные службы собирались вводить в эксплуатацию биостанцию, ремонтировать водопровод и отопительную систему. Для советских людей это было ещё мирное время, хотя и тревожное, ведь в Европе уже шла война.

Рано утром 22 июня, ещё до правительственного сообщения по радио, директор института П. А. Тюркин и секретарь парткома Я. М. Павлов получили информацию о нападении фашистской Германии на СССР. Был вскрыт секретный пакет с мобилизационным планом обороны. Начальником местной противовоздушной обороны стал директор института, начальником штаба — заместитель директора по хозяйству. Ему нужно было срочно начать формировать подразделения МПВО, организовать строительство защитных сооружений, перевести подразделения на режим работы в условиях военного времени. И всё это в обстановке строжайшей секретности, ведь официального объявления о начале войны ещё не было.

Вот как об этом вспоминал студент 3 курса металлургического факультета А. Х. Уразгильдеев (в будущем профессор): Нам сказали, что мы должны быстро собрать народ и приступить к рытью щелей на территории института. Цель такой поспешности — учения по гражданской обороне. Получив такое странное для сессионного периода задание, я стал ходить по комнатам пятого корпуса Студгородка и уговаривать студентов идти работать. Из первой комнаты меня вытолкнули, повертев выразительно пальцем у моего виска; во второй, потрогав мой лоб, сказали: “У мальчика жар”; в третьей — запустили увесистой книгой. Иной реакции со стороны студентов и быть не могло: шла сессия и все готовились к экзаменам.

Из воспоминаний Ивана Николаевича Филатова, участника штурма Берлина, доцента кафедры гидромашин: ...Шла весенняя сессия 1941 года. ... уже был не за горами конец экзаменов, и перед нами маячили каникулы. <...> 22 июня, в воскресенье, мы работали у себя в комнате, а в 12-00 предполагали слушать сатирическую передачу ленинградского радио “Давайте, не будем!..”. Но вместо нее выступил глава советского правительства В. М. Молотов, сообщивший о вероломном нападении фашистской Германии. Закончил он речь фразой, ставшей потом крылатой: “Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!”. Несмотря на такую концовку, все в комнате онемело — все оказалось неожиданным. Затем наступило время наивысшего возбуждения: я кинул свои тетради в угол, все стали быстро выскакивать на улицу. А там, у нашей фабрики-кухни, собрались студенты из всех корпусов нашего городка, начался стихийный митинг. Тут же стали записываться добровольцами, вечером отправились на пустырь возле института рыть окопы, а на другой день, в понедельник, студенты-военнообязанные отправились в Выборгский военкомат.

Теперь студентов уже не надо было уговаривать идти рыть щели. После стихийного митинга в Студгородке они двинулись в институт. В это время многие готовились к экзаменам в читальном зале Фундаментальной библиотеки и не знали о начале войны.

Из воспоминаний студента III курса механико-машиностроительного факультета А. А. Смирнова (в будущем — профессора, председателя Совета ветеранов войны вуза): Мы спокойно занимались, когда в читальный зал ворвался какой-то человек, забрался на стол и громко передал только что полученное сообщение о начале войны. В конце своей речи он призвал всех мужчин идти на стадион для рытья защитных укрытий. Мы оказались первыми на стадионе.

На стадионе сразу пришло 240 человек. В 21 час 55 минут в районный штаб МПВО отправили сводку о том, что выкопано 13 щелей общей длиной 460 погонных метров, из них шесть с деревянной опалубкой. Была объявлена мобилизация, но добровольцев военкоматы пока не принимали. Тем не менее под давлением студентов в партийном комитете и комитете ВЛКСМ Политеха всё-таки была организована запись добровольцев. Заявления подавали целыми списками.

Из воспоминаний студент 3 курса металлургического факультета В. Г. Манчинского: Утром 22 июня, как только узнал о начале войны, сразу побежал к своему школьному другу, бывшему однокласснику Виктору Мадисону — студенту 3-го курса механико-машиностроительного факультета, проживавшему по соседству. Мы вместе отправились в Московский райвоенкомат с заявлением о приеме нас добровольцами в Красную Армию, но оказались там далеко не первыми. В приемной военкома преобладали учащиеся ремесленных училищ, совсем мальчишки, которые рвались на фронт. И в конце концов нас принял какой-то командир, долго искал наши личные дела, не нашел их, и, взяв наши заявления, приказал через несколько дней ждать вызова. Удовлетворенные, мы поехали в институт и сразу же включились в земляные работы по рытью щелей на территории стадиона.

Преподаватель кафедры физвоспитания З. М. Виноградова рассказывала: Я очень ясно помню день начала войны. Стоял яркий солнечный день. С группой студентов я выехала на взморье в Зеленогорск потренироваться и отдохнуть. Играли, бегали, наслаждались отличной погодой. Вдруг видим народ с вещами в руках бежит к железнодорожной станции; раздаются крики — “война”. Ехали в Ленинград кто как мог: транспорт был переполнен. В институте собрались на кафедре, решали, что кому делать. На следующий день военнообязанные работники кафедры пошли в военкомат, а мы — на рытье окопов.

За несколько часов 22 июня в институте было завершено формирование команд МПВО. Также были образованы медико-санитарная команда, пожарная, охраны революционного порядка, управления и командный пункт.

Из воспоминаний Иннокентия Васильевича Грузных, доцента ЛПИ имени М. В. Калинина, профессора, а в то время — студента 4 курса металлургического факультета, комсорга группы: 22 июня 1941 года после выступления Молотова студенческий городок на Лесном проспекте зашумел как муравейник. Все высыпали на улицу. Возникли стихийные митинги. У 6-го корпуса образовалось огромное скопление студентов. На третьем этаже фабрики-кухни в зале студенческого клуба возник пункт по записи добровольцев. Во второй половине дня многие студенты начали строить так называемые “щели” на поле рядом с институтским стадионом для укрытия от осколков бомб и снарядов. Группа студентов металлургического факультета вошла в состав отряда по охране института, куда вступил и я. Мы, вооруженные учебными винтовками, круглосуточно патрулировали по всей территории института.

Вечером 22 июня в студенческих общежитиях долго не ложились спать, обсуждали, как быстрее попасть в армию. Многие волновались, что не успеют поучаствовать в разгроме врага, поскольку были уверены, что разгром будет быстрым — именно так перед войной писали газеты. Не всех политехников война застала в Ленинграде. Для Игоря Христофоровича Маракасова, старшего преподавателя кафедры электропривода, она началась... в Германии. Вернуться в Ленинград он смог лишь в августе 1945 года, пройдя плен и концлагерь.

Из воспоминаний И. Х. Маракасова: ...К началу войны в портах Германии находились шесть торговых судов СССР, выполнявших обычные рейсы: “Хасан”, “Волголес”, “Эльтон”, “Магнитогорск” и другие. Наш теплоход “Хасан”, где я был электромехаником, пришёл в Штеттин 31 мая 1941 года... 22 июня экипажи всех наших судов были интернированы и заключены в лагеря, сначала в Штеттине, затем под Берлином и, наконец, в конце 1941 года, в крепость Вальцбург. С первых же дней заключения у нас была создана и активно действовала подпольная партийная организация, которой в крепости руководили члены партии с 1925 года Алексей Петрович Устинов — старший механик т/х “Хасан” и Савва Георгиевич Дальк — капитан “Магнитогорска”.

Спустя 55 лет после начала войны, в 1996 году, 22 июня был официально объявлен в России Днём памяти и скорби. Но в сердцах миллионов людей он был таким всегда.

Дата публикации: 2023.06.21

[>>Перейти к новости](#)

[>>Перейти ко всем новостям](#)